

Ссылки стихотворения монаха Лазаря и творчестве И. Крылова

<https://azbyka.ru/fiction/evangeliskij-smysl-basen-krylova/>

<https://pravoslavie.ru/108349.html>

ЗАГАДКА КРЫЛОВА

Монах Лазарь (Афанасьев)
Источник: Журнал "Покров"

Когда 9/21 ноября 1844 г. великий наш баснописец Иван Андреевич Крылов скончался, гроб его поставили в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге, над ним совершались литии и панихиды при стечении огромного количества народа всех сословий.

Из Исаакиевского собора гроб с телом Ивана Андреевича Крылова перенесли в сопровождении многолюдной процессии в Александро-Невскую Лавру, где после литургии отпевание покойного совершили владыка Антоний, митрополит Санкт-Петербургский, Новгородский, Эстляндский и Финляндский, викарный епископ Иустин и владыка Афанасий, епископ Винницкий. Весь высший аристократический и чиновный Петербург был здесь. Поэта погребли возле могил Н.М. Карамзина и Н.И. Гнедича. Вся Россия молитвенно вздохнула о Крылове. Он еще при жизни сделался народным поэтом.

Иван Андреевич жил в Петербурге, почти не покидая его, служил главным библиотекарем в Императорской Публичной библиотеке по отделению русских книг (там же трудился его друг поэт Н.И. Гнедич), квартира его располагалась тут же, в одном из библиотечных корпусов, на втором этаже, выходя окнами на Гостиный двор (Гнедич жил над ним). Казалось, весь быт его был нараспашку: кто только из писателей к нему не захаживал и где

только не бывал он... Шли десятилетия. Выходили книги его басен, принесших ему заслуженную славу. Его узнавали простые люди на улице, показывали детям: «Вон идет дедушка Крылов!» Он ни с кем не поссорился ни разу, но ни с кем и не подружился, исключением был сосед его Гнедич, который и собирался написать о нем, но рано, в 1833 году, умер. И вдруг оказалось, что о Крылове мало что известно, что и самая личность великого сочинителя басен – «загадка»!

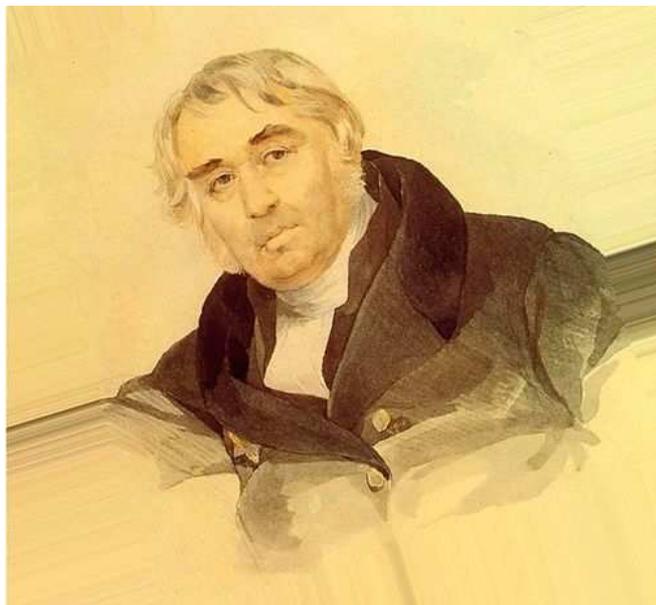

Крылов, Пушкин, Гнедич, Жуковский

В 1845 году в «Современнике» появился обширный труд П.А. Плетнева «Иван Андреевич Крылов». Это первая биография баснописца.

«Трудно найти человека, – пишет он, – которого жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событиями, как жизнь Крылова... Если бы можно было собрать в одну книгу все эти случаи и сопровождавшие их явления, она составила бы в некотором смысле энциклопедию русского быта и русского человека – в виде Крылова». В дальнейшем в печати появилось множество статей, где такие случаи клались в основу воспоминаний: Крылов-де – феноменальный обжора, неряха, лентяй, его поведение удивляло, сместило, ставило в тупик, а то и отталкивало людей от него. Но все, однако, его уважали – знаменитого, мудрого, действительно в чем-то загадочного. По сути, его не знал никто. Он не был женат. У его прислуги была дочь, молва приписала ее Крылову, будто бы отцу этой девочки. У него был брат, Лев Андреевич, военный, звавший его в письмах «тятенькой», так как Иван Андреевич ходил в старших, а родителей уж не было в живых. Но и брат ничего не знал о нем, да и почти не видел его никогда.

Мемуары (собранные в одну книгу и изданные в 1982 году в Москве) трудно читать из-за обилия пустяков и домыслов. Но кое-что, однако, можно и здесь выловить. «Каждую Пасху Крылов встречал в Казанском соборе, – пишет Л.Н. Трефолев. – Большого труда стоило ему пробраться через густую толпу. Однажды тучное тело баснописца особенно страдало от толчков; но когда полиция это заметила и сказала: «Раздайтесь, ведь это Иван Андреевич Крылов!» – народ с уважением уступил дорогу».

Баснописец Иван Крылов

Почти ни в одной писательской биографии того времени не встретишь подобного. Например, вспоминали такой случай. Когда хоронили Н.И. Гнедича, граф Д.И. Хвостов во время отпевания и панихиды раздавал свои стихи, написанные в память покойного (а граф был обер-прокурором Святейшего Синода), и разговаривал во весь голос. В конце службы Крылов (как свидетельствует П.А. Плетнев) сказал ему: «Вас было слышнее, чем Евангелие!»

М.Е. Лобанов, сослуживец Крылова по библиотеке, также написал биографию Крылова. Там наиболее подробно освещена «добасенная» жизнь поэта. Отмечу несколько фактов, в биографии отмеченных мимоходом, так как и здесь, как и у других авторов, совершенно обойдена духовная сторона личности Ивана Андреевича, русского православного человека, верующего по-церковному, не в пример многим своим интеллигентным современникам.

Отец его был штабс-капитаном, оборонявшим от пугачевского войска городок Яицк, затем служил председателем магистрата в Твери. Умер он в 1778 году, оставив вдову с двумя малолетними детьми (Ивану не исполнилось тогда и 11 лет). Мать его, как писали, была почти неграмотной женщиной, что сомнительно. Она, как сообщает биограф, улавливала ошибки

во французских упражнениях сына-отрока. Мемуарист сообщает и о круге чтения в семье: «Русские книги, частью духовные, частью исторические, также и словари». А где же приобрел Крылов такую укорененность в православном образе жизни? Никто не говорит об этом. Думается, что дома, в семье.

Вот о «патриотизме» Крылова и его «русскости» все биографы пишут много.

Лобанов: «Уже и на двадцать четвертом году его жизни везде решительно выказывался патриотизм, и русская душа его, неколебимая в своих правилах и думах, не изменившаяся в течение почти семидесятилетней жизни ни от каких посторонних влияний и прививок иноземных, везде и всегда искала пользы своему отечеству».

Плетнев: «В Крылове мы видели перед собою верный, чистый, совершенный образ Русского. Его индивидуальную духовность всего точнее можно уподобить слитку самородного золота, нигде не проникнутого даже песчинкой постороннего минерала».

Если так, то вот где основа Православия – в русской натуре. Но не принято было в те времена о таких предметах писать...

Вот еще важный случай. Многие мемуаристы вспоминают, что Крылов якобы побился об заклад с Гнедичем, переводчиком «Илиады», что он выучит древнегреческий язык (а ему было уже за пятьдесят). Вот что пишет Лобанов: «Он начал по ночам читать Библию на греческом языке, сличая с славянским переводом, которого близость делала даже и словари ненужными. Потом купил полное собрание греческих классиков и всех прочел. Это продолжалось два года – он глубоко изучил древний греческий, и никто не был участником его тайны».

Памятник Ивану Крылову

Плетнев: «О замечательной способности Крылова к иностранным языкам я заметил уже выше. Когда-то разговорились у А.Н. Оленина, директора

Публичной библиотеки, президента Академии художеств, как трудно в известные лета начать изучение древних языков. Крылов не был согласен с этим мнением и оспаривал его против Гнедича. Желая представить когда-нибудь несомненное доказательство своих слов, он дома шутя принялся за греческий язык. Без помощи учителя, в несколько месяцев он узнал все грамматические правила. После, с лексиконом, прочитал он некоторых авторов, менее трудных; наконец, восходя от легкого все выше и выше, он уже не затруднялся в чтении Гомера». И далее: «Сколько в старости положил он трудов на греческий, без всякой цели, кроме удовлетворения минутной прихоти».

Как тут не удивиться, не изумиться!.. Когда у Олениных как бы случайно устроили экзамен Крылову в греческом языке, он свободно читал любой предлагавшийся ему текст, безмерно изумляя всех свидетелей этого случая, а их присутствовало много в гостиной А.Н. Оленина. Но посмотрите: Лобанов говорит о двух переводах Библии. Несомненно, была и грамматика – как же без нее. Такое параллельное чтение Библий было тогда методом не новым: так, сидя в крепости, изучал греческий язык В.К. Кюхельбекер. Но Крылов, значит, хорошо знал и церковнославянскую грамоту! Разве она проста? И ведь ясно становится, что Крылов с отрочества уже должен был знать эту грамоту. Следовательно, в свое время он, по старому русскому обычаю, учился по Часослову и Псалтири и в церкви часто бывал: молитвы, стихиры, вообще все, что читается и поется там, – родное для него. Ведь недаром пишут все, что он Русский (с большой буквы). А без Церкви-то и без церковнославянского языка – какой же Русский? Разве только с маленькой буквы и в кавычках.

Крылов нередко бывал в богатых домах, не только писательских. Его приглашали. Его не могли не уважать, но, случалось, пытались сделать из него шута: как бы застольный спектакль с феноменальным поглотителем пищи... Он всегда выходил из этих обстоятельств спокойно, проявляя столько остроумия, чувства собственного достоинства, что фарса не получалось. Он не считался с условностями. Не хотелось ему отвечать на глупые вопросы – он дремал в кресле, не обращая ни на кого внимания. Надо было уйти – уходил. «На одном литературном обеде, – пишет Лобанов, – на который был зван Иван Андреевич и который начался залпами эпитграмм некоторых людей против некоторых лиц, Иван Андреевич, не кончивши супу, исчез. Я взглянул – место его пусто!.. Резкие выходки прекратились, обед продолжался мирно». Потом Лобанов спросил Крылова, почему он ушел. Оказалось – не хотел слышать злословия! «Все-таки лучше быть подальше от зла, – сказал Иван Андреевич. – Ведь могут подумать: он там был, стало быть, делит их образ мыслей».

Двести басен Крылова... Много или мало? Нет, не так много, всего только небольшая книжка. Но это – классика мирового уровня. Обычно примечания исследователей к басням занимают столько же, если не больше, места. Крылов задал им работы, так как нередко заимствовал сюжеты у всех известных баснописцев всех времен и народов – Эзопа, Федра, Лессинга, Лафонтена и т. д. Те заимствовали друг у друга, и большая часть европейского басенного творчества основана на сюжетах Эзопа и Федра. Крылов творил чудеса: он словно бы брал пальму или лавр, пересаживал их на русскую почву, и они становились елкой или березой... У Крылова в его баснях все настолько русское, что о сюжете не нужно и вспоминать. Сравнивали исследователи одну и ту же басню: у Лафонтена одно, у Крылова совсем другое, хотя сюжет один. Басни Крылова – кладезь народной мудрости. В советское время писали, что Крылов «способствовал самопознанию нации», что «он создал свой вариант историко-философского истолкования России, русской нации в целом». Нельзя не согласиться. Но это истолкование с легкой руки Белинского стали понимать не по-крыловски... Гоголь сказал, что басни Крылова есть «достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа». Да и Белинский о том же: Крылов, говорит он, выразил в своих баснях «целую сторону русского национального духа».

Монах Лазарь (Афанасьев)

Что такое басня? Вот сжатое определение в академическом издании: «Басня. Короткий, чаще стихотворный нравоучительный рассказ, в иносказательной форме изображающий людей и их поступки» (Словарь русского языка. АН СССР. Инст. русск. яз. Изд. 2-е. – М., 1981). Так и всегда определялся жанр басни, он не может быть иным. Крыловская басня поучала и поучает. Многие

мысли (выводы из рассказанного) у нас обратились в пословицы. Кто их не знает («А ларчик просто открывался...», «А Васька слушает да ест» и т.п.)? Народ чувствовал, что поучения Крылова духовны, что они хорошему учат.

Архимандрит Агапит (Беловидов) в своем жизнеописании преподобного старца Амвросия Оптинского пишет, что в хибарке старца, в комнате его келейника преподобного Иосифа, лежала книга басен Крылова. Батюшка Амвросий часто среди дня, во время приема множества людей входил в комнату отца Иосифа и здесь наскоро обедал. При этом просил прочитать себе одну-две басни Крылова. Читали те, кто присутствовал здесь в это время, – посетитель или посетительница.

«Батюшка любил басни Крылова, находя их вполне нравственными, и часто для преподавания своих мудрых советов прибегал к ним». Так, вспоминает отец Агапит, он велел одной посетительнице, монахине из Шамординского монастыря, «прочсть вслух басню под заглавием «Ручей». Биограф Крылова М.Е. Лобанов пишет: «Иван Андреевич по какой-то особенной причине преимущественно любил свою басню «Ручей». Правда, изобретение ее обличает глубокого мудреца, а исполнение, плавность стиха, чистота языка – великого художника, и кажется, она создана более сердцем, нежели умом». Это басня о ложном смирении. Ложное смирение ведет к осуждению и греху. Ручей, маленький и прозрачный, осуждал реку, в которую впадал, за то, что она «алчно поглотила» многие «жертвы»... Но вот разразился ливень, ручей разлился, закипел и наделал бед еще более, чем река. Вот конец басни:

*Как много ручейков текут так смиренно, гладко
И так журчат для сердца сладко
Лишь только оттого, что мало в них воды!*

Видно, той монахине необходимо было прочсть именно это...

В 1877 году преподобный Анатолий Оптинский (Зерцалов) писал одной из своих духовных чад: «Вспомни молодого коня Крылова: не только других, но и себя-то не мог понимать. А как начало подталкивать делом-то – то в бок, то в зад, – ну и показал сноровку, за которую и поплатились хозяйские горшки». Это конь из басни «Обоз». Молодой конь, видя, как старая лошадь с возом осторожно спускается с горы, упрекнул ее в нерешительности, похвастался, что он так «махнет», что «минуты не потратит». Помчался быстро вниз, а воз раскатился и стал на него напирать, сбивать с бега, а потом и вовсе опрокинулся в овраг, где и горшки разбились, и сам конь погиб.

В другой раз преподобный Анатолий пишет в Елец одной юнице, бывшей его духовным чадом и собиравшейся в монастырь: «Вчера или третьего дня о. М. сказал, что ты там все пляшешь. Я ему советовал указать тебе басню

Крылова «Стрекоза и Муравей». К тебе она подходит. Та тоже любила масленицу и не жаловала поста – все плясала. Говорю это не в укор тебе, а чтобы ты знала настоящее положение вещей и при случае не теряла головы, то есть помнила бы, что за сладостью – расслабление, за мирской веселостью – скука, за пресыщением – тяжесть и даже болезнь следуют, как тень за телом». И далее: «Святая Церковь, наша учительница, поет: «Кая сладость бывает печали не причастна? Кая ли слава стоит на земли непреложна? Вся сени немощнейша! Вся соний прелестнейша!» И Крылов, светский писатель, сказал свою «Стрекозу» не тебе одной и не мне, а всему свету, то есть, кто пропляшет лето, тому худо будет зимою. Кто во цвете лет не хочет заняться собою, тому нечего ждать при оскудении сил и при наплыве немощей и болезней».

Кстати отметим, что басни «Ручей» и «Обоз» полностью «изобретены» Крыловым (сюжет «Стрекозы и Муравья» – из Эзопа, только у древнегреческого мудреца она называлась «Кузнечик и Муравей»).

Здесь я остановлюсь, чтобы вернуться к затронутому вопросу о жанре басни. Белинский задал свой демократический тон, сказав, что «басня как нравоучительный род поэзии в наше время действительно ложный род; если она для кого-нибудь годится, так разве для душ детей... Но басня как сатира есть истинный род поэзии». Неверы-демократы, видимо, полагали, что они нравственно безупречны и учиться им нечему, да и стыдно... Советский литературовед Н.Л. Степанов подхватывает: «Именно такую басню, как сатиру, и создал Крылов, пользуясь басенным жанром и басенным иносказательным языком как средством для преодоления цензурных рогаток. В условиях правительственного гнета басня давала возможность сказать горькую правду о вопиющих противоречиях и несправедливостях тогдашней жизни». Тот же автор через три страницы пишет иное: «Выступая в защиту народа, Крылов тем не менее не смог преодолеть боязни революционных потрясений. Этим объясняется наличие среди басен Крылова таких, как «Конь и Всадник», «Колос», «Сочинитель и Разбойник», «Безбожники», в которых баснописец осуждает революционные порывы и стремления». Автор, однако, привел слишком короткий список не укладывающихся в сатирические рамки басен Крылова. Они преобладают. Стали бы оптинские старцы зачитывать у себя в келье какие-то там сатиры, да на кого – на Государя, на Самодержавие...

Произведения любого писателя нельзя толковать произвольно, но должно рассматривать в духе того мировоззрения, которое выработал у себя автор. Крылов, конечно же, никогда не был революционером. Он как мирской старец, имевший авторитет у народа, преподавал всем, и прежде всего взрослым, а не детям (хотя дети всегда любили и любят его басни), те нравственные истины, которые содержатся в евангельском учении и

заложены были в душу русского народа Православной Церковью. Он порицал пороки и грехи, несовместимые с жизнью во Христе. Поэтому если православный человек читает басню Крылова «Петух и жемчужное зерно», то он вспоминает при этом евангельского купца: Паки подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущу добрыя бисеры: иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше, и купи его (Мф. 13:46). Бисер – жемчуг. Здесь многоценен бисер – Царствие Небесное.

Басня «Безбожники» совсем прозрачна по смыслу. Кстати, говоря о «богах», наш баснописец прибегает чаще всего к персонажам античного пантеона «божеств» (Зевес, Артемида и т. п.), так как святотатственно было бы заставлять действовать и говорить – как бы на сцене – Бога или Его святых. Отчасти это допустимо в «высоких» поэтических жанрах, а в басне – нет. Вот как оканчивается басня «Безбожники»:

*Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против Божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы.*

Нельзя не вспомнить слова из Евангелия от Луки: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет» (12:34), прочитав басню «Откупщик и сапожник». Подробно пересказать ее трудно, а кратко фабула ее такова: богатый откупщик вольготно и весело жил, но плохо спал и был беспокоен. А сосед его сапожник, бедняк, не унывал, пел песни, мешая тем ему под утро уснуть. И вот богач подарил бедняку мешок с деньгами... И что же? Сапожник вернул откупщику его подарок, так как потерял из-за него покой: «Вот твой мешок, возьми его назад: я до него не знал, как худо спят».

А вот пример из монастырской жизни того же времени: оптинский иеродиакон Палладий, «строгий блюститель подвижнических правил», в келье которого «ничего не было, кроме самого необходимого для монаха», вдруг получил в подарок от богатого богомольца дорогие карманные часы... «Отец Палладий взял их, но вечером он никак не мог от их стуканья заснуть; завернул их в тряпку, накрыл горшком и заснул. Пошел к утрени, но «помысл замучил меня, – говорил отец Палладий, – как бы их не украли». Вспомнил слова Спасителя: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет» – и поскорей отнес их к своему благодетелю, сказав: «Возьми, пожалуйста, их назад, они нарушают мой покой» (Архимандрит Леонид Кавелин. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1875).

Есть оптинский отзвук и в басне Крылова «Цветы». Речь в ней о том, что цветы поддельные испортились от дождя и их выбросили. Оптинский старец преподобный Варсонофий в одной из бесед с духовными чадами говорил: «Видали ли вы искусственные цветы прекрасной французской работы? Сделаны они так хорошо, что, пожалуй, не уступят по красоте живому растению. Но это пока рассматриваем оба цветка невооруженным слабым глазом. Возьмем сильное увеличительное стекло – и что увидим тогда? Вместо одного цветка – нагромождение канатов, грубых и некрасивых узлов, вместо другого – пречудное по красоте и изяществу создание. И чем сильнее стекло, тем яснее выступает разница между прекрасным творением рук Божиих и жалким подражанием людским. Чем больше вчитываемся мы в Евангелие, тем более выясняется разница между ним и лучшими произведениями величайших человеческих умов».

Крылов не раз пишет в своих баснях о сетях, в которые попадают то обезьяны, то медведь... Сеть – образ коварных действий искусителя-сатаны, старающегося уловить души людей, совратить их в грех и погибель. Это образ – библейский, евангельский, святоотеческий. В басне «Бочка» – предостережение от «ученья вредного с юных дней», которое трудно выветривается. В другой басне лягушка лопнула от зависти, пытаясь раздуться до размеров вола... По святоотеческому учению, зависть – зло действительно губительное. Так же и усердие не в меру приносит больше зла, чем добра («Пустынник и Медведь»). Немалый грех и «трубить перед собой» о своих делах, пусть и добрых, напрашиваясь на славу, домогаясь известности в миру («Две бочки»). О том же – «Водопад и Ручей»:

*Кипящий Водопад, свергаясь со скал,
Целебному ключу с надменностью сказал
(Который под горой едва лишь был приметен,
Но силой славился лечебною своею):
«Не странно ль это? Ты так мал, водой так беден,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мне приходит кто дивиться;
К тебе зачем идут?» – «Лечиться», –
Смиренно прожурчал Ручей.*

Глубокая христианская мысль заключена в басне «Сочинитель и Разбойник», где Сочинитель получил после своей смерти в аду большее наказание, нежели грабитель с большой дороги. Греховные дела Разбойника закончились с его смертью, а Сочинитель через свои душевредные романы и после своей кончины продолжал развращать души людей. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что «талант человеческий во всей своей силе и несчастной красоте развился в изображении зла; в изображении добра он

вообще слаб, бледен, натянут... Когда усвоится таланту евангельский характер, – а это сопряжено с трудом и внутренней борьбой, – тогда художник озарится вдохновением Свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято... Чтобы мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им». Крылов очень хорошо понимал, что по-настоящему положительного героя не видно в литературных произведениях его современников. Как, впрочем, и позднее читателю предлагалась масса «сочинений явно греховных, исполненных сладострастия», как отметил еще святитель Игнатий. Он же сказал по этому поводу: «Чтение романов возбуждает помыслы неверия, разных недоумений и сомнения относительно веры». Разве не преступнее разбойников все эти авторы? «Горе человеку тому, имже соблазн приходит» (Мф. 18:7), – учил Господь.

Но Крылов был не из числа этих сочинителей. Христианский мудрец, «истинно народный», по выражению Пушкина, писатель, он с доброй усмешкой, с сердечным участием говорил людям о вечном – о евангельских истинах, о губительной силе порока, о нужности противостояния греховным помыслам, о смысле жизни, о том некрадомом богатстве, которым может обладать каждый – старый и молодой, умный и не очень, простец и вельможа... Богатство это – Царство Божие.

Вот она, разгадка тайны Крылова. Его жизнь, натура, православное мировоззрение органично запечатлелось в его баснях. Каждый из нас может прикоснуться к этому некрадомому богатству, отсвет которого лежит и на творениях баснописца, узреть его своим внутренним взором. Нам и детям нашим, живущим в конце безбожного века и забывшим прямое слово спасительного благовестия, сделать это труднее, чем современникам баснописца. Но как полезен такой труд! Разгадывая тайну Крылова, мы делаем шаг в верном направлении – к духовному постижению Того, Кто есть Путь, Истина и Жизнь.

*Монах Лазарь (Афанасьев)
Источник: Журнал "Покров"
20 ноября 2017 г.*

Монах Лазарь (в миру Виктор Васильевич Афанасьев; 1932–2015) – поэт, прозаик, литературовед, церковный писатель, член Союза писателей СССР, автор биографических книг о русских поэтах XIX века. Читателю хорошо известны его биографические сочинения о Жуковском, Лермонтове, Иване Козлове, Батюшкове, Языкове, а также жизнеописания великих подвижников, как древних, так и прославленных в наше время:

преподобных отцов Антония Великого, Нила Сорского, Серафима Саровского, Оптинских старцев. Известен он и как духовный поэт.